

Henrich Grossmann. Das Akkumulations und Zusammenbruchsgesetz
Kapitalistischen Systems.

Генрих Гроссман. „Закон накопления и крушение капиталистической системы.“ Том XI, 629, Лейпциг, 1929 г.

Вышедшая в начале 1929 г. книга Гроссмана посвящена самому актуальному вопросу современности — связи между капиталистическим накоплением и крушением капиталистической системы, а потому и должна быть изучена с особенным вниманием. Интересна она и тем, что автор германский „левый“ социал-демократ, и постановка им вопроса показывает, как мысль о революционном взрыве преломляется в среде социал-демократов наиболее „революционно настроенных“.

Разбор произведения Гроссмана облегчается тем, что вопрос ставится им конструктивно безукоризненно: первая глава *Untergang d. Kapitalismus in d. bisherigen Darstellung* (стр. 1—77) является обзором состояния современной теоретической мысли по вопросу о крахе капитализма; вторая глава *Zusammenbruchsgesetz* (стр. 78—286), дает обоснование краха капитализма; третья глава *Modifizierende Gegentendenzen* (стр. 287—629) — излагает обстоятельства, осложняющие реализацию „закона краха“ и его действие в условиях конкретного капитализма.

Работа Гроссмана затрагивает побочно многие проблемы теоретической экономики и критически разбирает мнения нескольких сот буржуазных ученых и марксистов по вопросам, которые, по мнению автора, связаны с изучаемой им темой. Мы принуждены, однако ограничиться в рецензии разбором концепции Гроссмана в целом и сопоставлением ее с построениями Маркса и Ленина, только вскользь затрагивая некоторые из его многочисленных экскурсов, вовсе не касаясь его полемики с представителями буржуазной и правой социал-демократической науки. Здесь, кстати отметим, что чисто буржуазных ученых и социал-демократов из числа откровенных апологетов капитализма Гроссман критикует довольно резко, иногда сильно, иногда поверхностно, но всегда с остроумием или, по крайней мере, с остроумием. В этих частях его работа интересна тем, что он в первые дает с марксистской точки зрения (на словах во всяком случае), систематический обзор и критику буржуазной литературы по вопросам капиталистического накопления и о революционном взрыве, при чем исполь-

зует литературу до самых последних месяцев 1928 г.

В первой главе Гроссман разбирает мнения целого ряда авторов, таго или иначе высказывавших свой взгляд о „вечности“ или историчности капиталистической системы, невозможности, возможности или неизбежности крушения капитализма и о характере этого крушения.

Разобраны мнения Сисмонди, Кларка, Маршля, Дила, Бернштейна, Каутского, Люксембург, Экштейна, Симковича, Зомбарта, Шпитгофа, Сореля, Массарика, Шумпетера, Михельса, Кунова, Маркса, Браунталя, Бухарина, Харазова, Будина, Туган-Барановского, Бауэра, Гильфердинга, Мизеса и многих других.

Гроссман резко критикует оппортунизм откровенных апологетов капитализма типа Каутский-Гильфердинг. С другой стороны привел и разобрал по вопросу о крахе капитализма суждения даже самых бездарных буржуазных ученых, даже самые пошлые и нелепые „теории“, Гроссман совершенно „забыл“ теорию Ленина.

Из сторонников ленинской точки зрения Гроссман ограничивается разбором положений т. Бухарина. Ошибочный тезис т. Бухарина о том, что революция мыслится только в результате второго тура империалистических войн — позволяет Гроссману встать в революционную позу и критиковать большевистскую концепцию „слева“.

„Для Бухарина крушение капитализма результат, правда, опосредствованных в экономике, но по отношению к ней трансцендентных причин. Наоборот, для Маркса крушение следствие имманентных причин, вытекающих из самых экономических закономерностей капиталистического механизма (48 стр.).“

Неудачная формулировка т. Бухарина исправлена и на X пленуме ИККИ т. Куусиненом и многими другими ораторами и во всяком случае позицией Коминтерна не является. Необходимо указать также и на то, что Ленин, считая, что вероятней всего крах капитализма произойдет в результате империалистической войны — никогда не утверждал, что только при помощи войны может произойти революция.

Однако, в критике большевистской концепции Гроссман идет дальше: „учение о крахе капитализма в результате империалистической войны — опирается только на специфические русские особенности, не имеющие никакого отношения к другим войнам и другим странам“.

Для доказательства Гроссман приводит пример целого ряда войн, ведшихся с XII века, которые не вызывали краха капитализма и пролетарских революций (стр. 48—50).

Рассуждения Гроссмана до конца вскрывают его меньшевистскую физиономию:

1) для него Октябрьская революция специфический русский результат — отметим, что если для него до сих пор существует Россия в форме совокупности царских губерний, то на самом деле это Союз советских республик, в которых пролетарская диктатура устанавливалась в течение целого ряда лет, союз, в котором мирно сожительствоуют десятки национальностей. Наконец, не мешало бы Гроссману вспомнить и то, что революция в результате империалистической войны была не только в „России“, побеждала она и в Венгрии, и в Баварии. Революция, не установившая диктатуры пролетариата, но шедшая от революционных масс независимо, и наперекор с.д. имела место и во всех частях Германии.

2) Гроссман делает исторический экскурс на 800 лет назад и не жалеет язвительности, указывая, что в Амальфи в 1135 г., хотя флот и погиб, пролетарской революции не произошло, тоже было в Пизе в 1290 г. и во всех последующих войнах.

„Экскурс“ изумительно наивен, — ведь промышленного пролетариата в этих почтенных и других средневековых городах не было, как не было и промышленного капитализма, не говоря уже о капитале финансовом, о сращении промышленного капитала с банковским. Ведь большевики, связывая революционный взрыв с войной, имели в виду только эпохи империализма, при том войны мирового масштаба и с необходимостью порожденные капиталистическими же и не только „терминологическими“, а многочисленными в колоссальной интенсивности противоречиями, о которых Гроссман, если он так не любит работы коммунистов и не хочет читать „Империализма“ Ленина, мог бы почитать у мелко-буржуазного автора начала XX века — Гобсона („Империализм“).

Гроссман попросту отказывается от изучения основного и самого надежного пути к мировой революции, закрывает глаза и на утверждение пролетарской диктатуры на $\frac{1}{6}$ части земного шара, и на события, имевшие место после войны в его собственном государстве.

Однако, хотя Гроссман игнорирует самое важное обстоятельство, обуславливающее неизбежность пролетарской ре-

волюции, пойдем вместе с ним дальше, так как вывод крушения капитализма из „имманентного, мирного, капиталистического развития“ имеет для нас также интерес. Этому вопросу посвящается вторая глава его книги, задача которой „состоит в том, чтобы показать, как процесс капиталистического воспроизводства, вследствие причин, вытекающих непосредственно из хозяйственного кругооборота, ведет в конечном счете к крушению капиталистической системы“.

Для решения этой проблемы, Гроссман берет... известную схему Бауэра, пытающуюся показать, что внутри самого капиталистического производства страны чистого капитала, не имеющей внешних рынков, возможен рост капиталистического накопления.

Продолжив Бауэровскую схему (которая исходит из положения, что постоянный капитал ежегодно возрастает на 10%, а переменный, а значит, и численность занятых рабочих на 5%), Гроссман с торжеством указывает, что на 35 году ее начинает образовываться промышленная резервная армия, а вместе с нею на другом полюсе образуются капиталы, которые невозможно использовать.

В послесловии к 2 изданию 1 тома „Капитала“ — Маркс писал: „Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь“. Гроссману фактов реальной действительности не нужно, он берет совершенно произвольную схему Бауэра, настолько произвольную, что прирост населения в ней взят равным пяти процентам в год, т.е. пять раз больший обычного, так что, если схему Бауэра употреблять для реальной жизни, сроки ее придется удлинить в пять раз и гроссмановский „крах“ наступит, (т.е. промышленная резервная армия образуется) на сто семьдесят пятом году.

Однако, почему думает Гроссман, что возникновение резервной армии и невозможность избежать ее в данной схеме обязательно обозначает крах капитализма? Ведь если бауэровская схема и ее гроссмановское продолжение не позволяют никаких осложнений, то в реальном капиталистическом мире существует кредитная система способная пополнить любое подразделение схемы, в нем нуждающееся (о роли ее см. хотя бы тот же „Империализм“ Ленина), с другой стороны, существует или может мыслиться массовая эмиграция, могущая удалить рабочие руки лишние для гроссмановско-бауэровской схемы.

Наконец, самое главное: схема Гроссмана не только схоластична, — она в политическом отношении контр-революционна, а в теоретическом — противоречит основам марксизма. По Марксу про-

мышленная резервная армия возникает не на 35 бауэровском году (или 175 году астрономическом), а немедленно, и не только в „чистом“ капиталистическом обществе, но и во всяком, в котором капиталистические формы производства получили некоторое развитие.

Вопрос, который так живо ставит и так удивительно „решает“ Гроссман, — был разрешен еще Марксом.

Так, в главе I тома „Капитала“ „Всеобщий закон капиталистического накопления“ Маркс выясняет, какое влияние оказывает развитие капитализма на условия существования пролетариата. Гроссман не заметил „слона“, который заключается в том, что „вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего класса в незанятые или полужаные рабочие руки“ (Марк: „Капитал“, т. I, стр. 650). Отсюда, вытекает ряд сложнейших диалектических последствий, ведущих к краху капиталистической системы.

Что можно сказать о бедном „марксисте“ Гроссмане, который забывает сформулированный Марксом „Всеобщий закон капиталистического накопления“. Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится“ (Маркс, цитируемые слова).

„Растут: гнет, рабство, вырождение и эксплуатация. Но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, все возрастающего в своей численности, воспитываемого, объединяемого и организуемого самим механизмом капиталистического процесса производства“ (Маркс цитируемые слова).

Больше того, марксов закон получил полное подтверждение в Западной Европе в первой половине XIX века и в XX веке, и на всем остальном земном шаре с момента капиталистического внедрения, при чем перенаселение в самой острой форме существует и в Китае, и в Индии, и в Италии, и в Африке, и в современной Англии, перенося образование промышленной резервной армии на 35 бауэровский год, или на 175 астрономический капиталистический год. Гроссман гораздо более реакционен, чем, например, Зомбарт и те западно-европейские марксисты, которые не мнят себя ортодоксами.

Схема Гроссмана схоластична, безграмотна и реакционна одновременно.

Маркс совершенно правильно отмечал, что абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления „в своем осу-

ществлении модифицируется многочисленными обстоятельствами“ — эту фразу цитирует и Гроссман.

Однако, для Марка а осложнения закона накопления закона перенаселения лежат в области перенаселения, и основным является открытие новых рынков... и т. д., которое вызывает повышение заработной платы“ („Капитал“, т. I, стр. 627).

Война 1914 — 1918 гг. по мнению Гроссмана, отдала крушение капитализма на 10 бауэровских лет (с 30 года бауэровской схемы в предвоенные годы мировой капитализм вернулся к 20 Гроссман). выводит это отдаление краха из факта гибели ценностей. Он забывает только: 1) крах капитализма на $\frac{1}{6}$ земного шара и образование СССР, 2) что война вызвала колоссальную, до войны невиданную капиталистическую рационализацию в Соед. Штатах, которая привела к капиталистической рационализации, т.е. ускоренному вытеснению постоянным капиталом переменного, и другие страны мира, 3) что война обострила все империалистические, т.е., в конечном счете, экономические противоречия, 4) что война прекратила массовую разгрузку Европы от излишнего населения — очень многое еще не учитывает по вопросу о роли империалистической войны Гроссман, оперируя со своей произвольной схемой.

Что можно сказать в заключение? — Гроссман игнорирует основной ближайший путь мировой революции — через империалистические войны, обоснованный теоретически Лениным и целиком оправдавшийся после мировой империалистической войны, игнорирует и другой основной путь к мировой революции — через постоянно нарастающее ухудшение условий существования пролетариата в условиях и „мирного развития“, указанный Марксом; не анализирует Гроссман и конкретной экономической и политической действительности. Вместо этих путей Гроссман идет по линии тематического развития схоластически и произвольно построенной схемы Бауэра, и из нее приходит к своим специфическим выводам, которые не выдерживают столкновения ни с марксистско-ленинской теорией пролетарской революции, ни с конкретными основными фактами реальной действительности.

Гроссман выполняет основную задачу „левого меньшевизма“: — этушевает настоящие пути мировой революции и с них толкает пролетарскую науку на извилистую тропинку, ведущую в тупик „чистой меньшевистской схоластики“.

Проф. Г. С. Гордеев. „Основные проблемы сельскохозяйственной экономики“, т. I, изд-во „Новый Агроном“, Москва, 1929 г., стр. 391. Ц. 3 р. 90 к.

Сел.-хоз. экономия, как наука насчитывает уже свыше сотни лет своего существования. Однако до самого последнего времени она развивалась на основе буржуазной и мелко-буржуазной политической экономии. Марксисты начали заниматься вопросами экономики сельского хозяйства лишь с 90-х годов прошлого столетия, когда перед рабочим движением Западной Европы был поставлен для разрешения крестьянский вопрос (дискуссия в германской социал-демократии). В России, тоже с 90-х годов, сначала в связи с борьбой народничества и марксизма, потом в связи с разработкой аграрной программы социал-демократической партии, во всей широте был поставлен так называемый аграрный вопрос.

После Октябрьской революции, когда перед пролетариатом встала задача социалистического переустройства деревни, задача завоевания университетских кафедр и воспитания агрономической молодежи в марксистско-ленинском духе встал вопрос о науке марксистской сел.-хоз. экономии, о ее предмете, системе и методе, а также и разрешении ряда неразработанных проблем по существу.

Тов. Гордеев рекомендует нам свой курс, как „первую попытку сконструировать марксистскую сел.-хоз. экономию“ (стр. 5). Это неверно. В нашей экономической литературе зарегистрировано уже несколько „попыток“. Так, например, проф. Кажанов угостил нас читателей и своих слушателей 4—5 вузов СССР, где он занимает кафедры сел.-хоз. экономии, такой попыткой — в виде курса „Сельскохозяйственная экономика“ (Изд. „Новая Деревня“, Москва, 1929 г.). Марксисты, читавшие самую книгу и рецензию на нее тов. Сулковского („Аграрный Фронт“, № 2, 1929 г.) уже сделали для себя вывод, что попытка Кажанова не удалась и что „дух“ буржуазной идеологии продолжает господствовать над головой почтенного профессора.

Рецензируемая книга представляет собой первый том курса, который включает в себя: вопросы методологии, обзор эволюции сельского хозяйства, земельную ренту, земельный вопрос, учение о капитале, рабочий вопрос, закон падающей производительности, учение об интенсивном и экстенсивном сельском хозяйстве и теории мелкого и крупного хозяйств. Первый вопрос, который встает перед каждой наукой, вопрос о ее „самоопределении“, — о предмете, системе и методе науки. Эту проблему проф. Гордеев разрешает следующим образом: „Теоретически же предмет сел.-хоз. экономии имеет много общего с содержанием политической экономии, при чем область рассмотрения общественных отношений переносится на сельское хозяйство. Если

политическую экономию назовем общим, то сел.-хоз. экономия может быть названа частным“ (13 стр.).

„Все содержание сел.-хоз. экономии можно обнять следующим определением: сел.-хоз. экономия есть дисциплина, изучающая общественные отношения людей, возникающие в процессе производства и обмена товаров в капиталистическом сельском хозяйстве“ (32 стр.). Необходимость выделения сел.-хоз. экономии из политической экономии обосновывается тем, что „сельское хозяйство представляет целый ряд деталей и особенностей, требующих более подробного рассмотрения и специального анализа“ (стр. 14).

На стр. 33 эти особенности автор сводит к наличию земельной ренты в капиталистическом сельском хозяйстве, что оказывает влияние на все стороны экономики этой отрасли. „Сел.-хоз. экономия начинается там, где система политической экономии, прилагаясь к сел.-хоз. производству, модифицируется под действием земельной ренты со всеми последствиями, которые она вызывает (33 стр.).

Таким образом, в книге тов. Гордеева мы имеем совершенно правильную, но как увидим позднее, недостаточно конкретизированную установку в вопросе о предмете и задачах сел.-хоз. экономии. Приводя мнения буржуазных ученых, которые также считают сел.-хоз. экономией частью политической экономии (Илай, Тейлор, Бруцкус), автор упустил отметить, что их понимание политической экономии (а отсюда и сел.-хоз. экономии) ничего общего не имеет с марксизмом. Следовательно, мнения этих экономистов совпадают с мнением автора лишь формально. В противовес мнению некоторых экономистов, автор совершенно правильно утверждает, что сфера сел.-хоз. производства имеет одну главную особенность — наличие частной земельной собственности. Других принципиальных особенностей нет. Земельная собственность накладывает отпечаток на проявление всех экономических категорий в области сельского хозяйства.

Далее, автор предлагает „схему курса сел.-хоз. экономии“, которая значительно расходится с пониманием им предмета сел.-хоз. экономии. Схема расходится и с построением рецензируемого курса.

„Схема“ состоит из 23 тем, которые можно сгруппировать в три больших раздела: I — вводная часть темы 1 и 2, II — экономия капиталистического сельского хозяйства (с 3 по 16 тему) и III — экономия сельского хозяйства переходного периода (с 17 по 23 тему).

Выше тов. Гордеев утверждал, что сел.-хоз. экономия — наука о капиталистическом сельском хозяйстве, а здесь он включает в сел.-хоз. экономию и переходный

период. Почему это так делается — тов. Гордеев не объясняет.

Несмотря на то, что тов. Гордеев признает диалектический метод единственно правильным для сел.-хоз. экономии, и в отдельных темах владеет им прекрасно, в вопросе предмета сел.-хоз. экономии он немного отступает от диалектики. Маркс учил, что все явления, в том числе и экономические категории, надо рассматривать в их развитии, т.-е. изучать их от зарождения до исчезновения. Целиком и полностью это относится к категориям сел.-хоз. экономии. Этот момент в книге тов. Гордеева, по крайней мере в методологической части, не подчеркнут. Поэтому, в понимании земельной ренты, интенсивности, учение о капитале и т. д. чувствуется определенный разрыв капиталистической экономии от экономики до-капиталистической и послекапиталистической (переходный период). Советскую сел.-хоз. экономию необходимо выделить в особый раздел, как это правильно и делает тов. Гордеев, но методологическую связь каждой темы сел.-хоз. экономии капитализма с соответствующей проблемой советской сел.-хоз. экономии надо также обязательно установить.

Просматривая отдельные темы в „схеме курса“, мы здесь не видим „земельной ренты“, хотя в рецензируемой книге ей отведено свыше 100 страниц (28% всей книги). А ведь земельная рента — неотъемлемая часть курса политической экономии. Тов. Гордеев перенес ее целиком из политэкономии, а не „модифицировал“ ее, как это делается им по отношению к другим категориям политической экономии.

Совершенно недостаточна и необоснована „схема“ в части, касающейся переходного периода (темы с 17 по 23). Три темы из семи (экономические категории переходного периода, проблема регуляторов и система планового хозяйства) в сел.-хоз. экономии не входят. Остальных четырех тем (из всех 23) для изучения сел.-хоз. экономии и в переходный период абсолютно недостаточно. Возможно, что автор боялся вторгнуться в пределы курса аграрной политики, куда пытаются перенести многое из сел.-хоз. экономии переходного периода. Но боязнь напрасная. Известно, что курсы аграрной политики, в педагогической практике, не идут дальше изучения истории аграрной программы партии и конкретных вопросов работы партии в деревне (кредитная, налоговая и т. п. политики). Теории отмирания капитализма в сельском хозяйстве и его социалистического переустройства должны быть одной из главных и больших частей сел.-хоз. экономии. Этому требуют сама жизнь и практика социалистического строительства.

Переходим к конкретным темам. Вторая глава дает общий обзор хозяйственных форм, включая сюда докапиталисти-

ческие формы, капитализм и социализм. Научного значения данная глава не имеет, но для студентов вузов, где преподавание истории отсутствует, она является необходимой и вводит в круг вопросов собственности сел.-хоз. экономии.

Главы III, IV и V посвящены теории земельной ренты, глава VI — вопросу о национализации земли.

В виду тесной связи всех глав между собой, мы остановимся на всех их в совокупности.

Из буржуазных экономистов, писавших о земельной ренте, автор достаточно подробно останавливается на классиках (Рикардо, Тюнен, Андерсон), австрийцах (Менгер, Шумпетер) и англо-американцах (Кларк). Таким образом, все главнейшие школы политической экономией охвачены в их главнейших представителях. Потом, автор переходит к Марксу, изложение которого ведется в том порядке, какой имеет место в III томе „Капитала“. Относительно много внимания уделяется дифференциальной ренте и очень мало абсолютной ренте.

Известно, что теория земельной ренты Марксом не конкретизирована так, как это сделано по отношению к другим категориям политической экономии. Этим и объясняется особый интерес к проблеме со стороны современных экономистов-марксистов и наличие перманентной дискуссии по этому вопросу на страницах наших журналов. Тов. Гордеев сам принимал участие в этой дискуссии, а в своем курсе многие дискуссионные проблемы им опущены. А между тем, из практики работы в вузах нам известен огромный интерес студенчества к дискуссионным проблемам. Именно на них молодежь учится самостоятельно применять диалектический метод.

На ряду с общими вопросами теории земельной ренты, в последние годы усиленно дебатировался вопрос о земельной ренте в советских условиях. В дискуссии выявились прямо противоположные точки зрения (например, Берзтыс признавал все виды ренты в наших условиях, другие, наоборот, их отрицали). Точка зрения тов. Гордеева в этом вопросе является наиболее правильной. Автор признает категорию ренты только в капиталистическом секторе нашего сельского хозяйства. Однако вопроса о дифференциальном доходе „самостоятельных“ производителей в сельском хозяйстве СССР тов. Гордеев не касается, а это было бы необходимо для изучения всех проблем „прилегающих“ к капиталистической земельной ренте. Совершенно недостаточно освещен вопрос о социальной сущности аренды в наших условиях. Дело в том, что аренда не только выражает докапиталистическую ренту (стр. 154), но и является специфической для переходного периода в том смысле, что служит средством перераспределения прибавочной стоимо-

сти кулацких хозяйств (кулаки арендуют землю у бедноты). Этот вопрос заслуживает пристального внимания.

Роль землевладения в развитии народного хозяйства и проблема национализации земли в условиях капитализма освещены достаточно полно. Зато ничего не сказано о национализации земли в условиях переходного периода.

Глава о законе падающей производительности представляет собой лучшее из всего, что написано на эту тему марксистами. Особенно ценным представляется нам взятый тов. Гордеевым метод подхода к вопросу и вытекающая отсюда классификация многочисленных версий „закона“. Автор группирует все теории на три категории, трагующие „закон“: 1) как проблему технико-агрономическую, 2) как проблему организации хозяйства и 3) как проблему экономическую. Пользуясь диалектическим методом автор раскрывает перед читателями „нутро“ каждой теории, их внутренние противоречия и классовую сущность. В опровержение каждой версии „закона“ автор приводит многочисленные фактические данные, большинство из которых публикуются впервые (особенно ценны американские данные).

Главы VIII (Учение о капитале) и X (Учение об интенсивном и экстенсивном сельском хозяйстве) трактуют собственно один вопрос — вопрос о капитале в сельском хозяйстве.

Автор дает сначала общие определения понятий капитала и его органического строения. В дальнейшем, дается классификация элементов сел.-хоз. капитала и критика подобных классификаций буржуазными экономистами. Этим и заканчивается учение о капитале. В заключение делается вывод, что производительность труда в сельском хозяйстве растет, в связи с ростом капиталовложений. Такие вопросы, как вопросы оборота сел.-хоз. капитала, накопления и воспроизводства, несмотря на их огромное значение в сел.хоз. экономии, автором не только обойдены, но даже не поставлены. Известно, что Маркс этим вопросам придавал огромное значение и свою теорию воспроизводства начинал с анализа особенностей оборота капитала. Во II томе „Капитала“ мы находим даже прямые указания Маркса по этому поводу, специально относящиеся к сельскому хозяйству.¹ Особенности оборота капитала в земледелии, отмеченные им, оказывают огромное влияние на процесс воспроизводства в сельском хозяйстве. Все эти вопросы тов. Гордеевым упущены. Поэтому, многочисленные фактические данные, приведенные как в VIII, так и в X и, особенно, XI главах, в сильной мере теряют свою ценность.

Глава X посвящена также проблеме капитала в сельском хозяйстве, хотя она и носит заглавие „Учения об экстенсивном и интенсивном сельском хозяйстве“.

Содержание проблемы автор сводит к следующим вопросам: 1) рост капиталовложений в сельском хозяйстве, 2) понятие интенсивности и взгляды на вопрос буржуазных экономистов, 3) интенсивность, как историческая категория, 4) интенсивность в крестьянском хозяйстве, 5) факторы интенсивности и закономерность интенсификации, 6) формулы интенсивности, 7) органическое строение капитала, 8) предел интенсивности.

„Интенсификацией сельского хозяйства будет называться рост вложения капитала на один и тот же участок земли; интенсивностью сельского хозяйства будет называться уровень затраты капитала на данный участок земли. Чем выше будет уровень затрат, — тем выше будет интенсивность“ (28 стр.). Понятие интенсивности автор отграничивает от понятий производительности, рентабельности и рациональности. Интенсивность, по тов. Гордееву, — историческая категория, свойственная только капитализму.

„Интенсивность — не логическая, а историческая категория. Не может капитал прилагаться к земле не в капиталистическом обществе“. Поэтому, ни в крестьянском, ни в социалистическом хозяйстве „не будет проблемы интенсивности в том смысле, как это понимается в капиталистическом обществе“ (282 стр.). Разбирая мнения буржуазных экономистов о факторах интенсивности, автор приходит к выводу, что „интенсификация сельского хозяйства происходит под влиянием роста производительности труда, который ведет к повышению накоплений и расширению народного хозяйства“. Этим самым автором исключается возможность интенсификации при падении производительности труда, что вполне допустимо, и непосредственно следует из формулы интенсивности. По тов. Гордееву, формула интенсивности заключается в отношении капитала (K) к площади земли (Z), т.-е. $\frac{K}{Z}$.

Дальше эта формула конкретизируется и K разлагается на $C + v$. Следовательно, процесс интенсификации возможен при падении органического состава капитала, что всегда связано с падением производительности труда. Здесь т. в. Гордеев явно противоречит сам себе тем более, что несколько ниже он вводит понятия интенсивности низкого и высокого органического состава капитала. Из необходимости выразить высоту органического состава капитала и связать ее с обрабатываемой площадью автор приходит к выводу, что под K нужно понимать весь капитал а не только издержки производства, как это делают Ужанский и Бринкман. Свой взгляд он обосновывает ссы-

ками на Маркса и Ленина, хотя ни тот ни другой не разбирали проблему интенсивности в том аспекте, как это ставится тов. Гордеевым. Все возражения против понимания интенсивности, ее формул и факторов Бринкманом, Студенским и др. в общем правильны. Но когда речь идет о понимании K , как всей суммы инвестированного капитала, тут доказательства автора становятся малоубедительными. В самом деле, предположим, что имеются два предприятия, в которых работает по одному трактору. В одном предприятии трактор работает 1 год и стоимость его равна 3.000 руб., а в другом предприятии — 3 год и стоимость его равна 1.000 руб. Обрабатываемая площадь (Z) и затраты переменной части капитала одинаковы (по 1.000). По тов. Гордееву мы будем иметь такое выражение интенсивности:

$$\begin{array}{l} \text{I предприятие} \quad \frac{3000c + 100}{Z} = \frac{3100}{Z} \\ \text{II} \quad \quad \quad \quad \frac{1000c + 100}{Z} = \frac{1100}{Z} \end{array}$$

т.-е. получается разная интенсивность хозяйств, несмотря на то, что в действительности интенсивность одинакова. Если же брать $c + v$, как издержки производства, то получится, что интенсивность будет одинакова в обоих предприятиях. Другими словами, издержки производства на единицу площади точнее отображают интенсивность разных сел.-хоз. предприятий. В связи с этим, есть смысл поставить общий вопрос о необходимости особого выделения проблемы интенсивности в курсах сел.-хоз. экономии. Уж очень кажутся надуманными всякие определения интенсивности, чрезвычайно оторванные от реального процесса технической реконструкции сельского хозяйства. Не лучше ли было лишить проблему интенсивности мнимого самостоятельного значения и связать ее с особенностями строения сел.-хоз. капитала и его изменений, под влиянием растущих производительных сил. С другой стороны, общая часть вопроса об интенсивности должна быть неотъемлемой частью учения о земельной ренте (особенно дифференциальной ренты I) и „закона“ убывающей производительности (версия Маслова и др.).

Последняя глава книги посвящена вопросу о крупном и мелком хозяйстве и о

росте сел.-хоз. техники. Теоретическая часть главы выполнена хорошо, если не считать ряда упущений второстепенного характера (например, не разрешен вопрос статистического соизмерения размеров предприятий, хотя приведены мнения многих авторов). Глава изобилует большим количеством ценного фактического материала. Пожалуй, было бы лучше, если бы автор не приводил многочисленных, часто очень второстепенных и скучных ученых почти по каждому случаю, что только запутывает общие идеи, положенные в основу всех суждений автора. Это замечание можно отнести почти ко всем главам работы.

В настоящей рецензии мы обращали внимание, главным образом, на недочеты работы и только потому, что нами руководило стремление объективно нащупать наиболее слабые места книги для того, чтобы их в дальнейшем изжить. Это отнюдь не означает, что книга не имеет положительных сторон. Отчасти на них мы уже останавливались. Но главное достоинство книги, несмотря на указанные недостатки, заключается в том, что она выдержана с марксистской точки зрения.

Указанные недостатки отражают на себе детские болезни марксистской сел.-хоз. экономии, болезни ее бурного роста в последние годы.

Мы считаем, что книга тов. Гордеева будет служить не только учебником для вузовской молодежи, чего она целиком заслуживает, но и явится сильнейшим стимулом к дальнейшим марксистским исследованиям по сел.-хоз. экономии. Нам думается, что курс тов. Гордеева знаменует собой переход марксистской сел.-хоз. экономии на путь положительного разрешения проблем, так как до сего времени главное внимание было устремлено на критику буржуазных течений.

Таким образом, если рецензируемая книга является уже не первой попыткой сконструировать курс марксистской сел.-хоз. экономии, как мы отметили выше, то она все же является первой удачной попыткой.

Ф. А. Хоробрых.

„Советская торговля“. Еженедельный орган Народного Комиссариата внешней и внутренней торговли СССР (а начиная с № 42 за 1928 г. и РСФСР) и торговых представительств за границей. Изво НКТорга СССР и РСФСР, Москва, №№ 1—52 за 1928 г. и 1—38 за 1929 г.

На протяжении минувшего года и 9 месяцев текущего года журнал „Советская Торговля“ значительно подвинулся вперед по пути своего усовершенствования и охвата стоящих перед ним задач. Новые

цели, выдвинутые редакцией журнала на 1928 г. (в передовой № 1 за 1928 г.), сводились, в основном, к следующему: 1) расширение круга сотрудников за пределы ведомства, т.-е. привлечение новых

¹ Маркс. „Капитал“, т. II, гл. XII, стр. 165 и гл. XIII, стр. 168 и след. Изд. „Пролетарий“, 1923 г.

авторов, 2) усиление систематической публикации разного рода обзорных материалов, в частности, обзоров состояния основных товаропроводящих систем, 3) расширение круга заграничных сотрудников журнала (преимущественно по линии торгпредств) и 4) пополнение корреспондентской сети, с целью улучшенного освещения районного товарооборота.

Содержание большинства статей продолжает отличаться теми же недочетами, которые мы уже отмечали в рецензии о „Советской Торговле“ за 1927 г.¹ Вопреки указанию редакции на достижение еще в 1927 г. „органической слитности освещения вопросов внутреннего и внешнего товарооборота в целом“ (№ 1 за 1928 г.), в действительности статьи, помещенные и в 1928 и в 1929 гг. отличаются, как правило, резко выраженным односторонним характером. Они попрежнему останавливаются или на внутреннем, или на внешнем товарообороте. Не говоря уже об „органической слитности“, до сих пор редакции не удалось добиться хотя бы более или менее механического соединения трактовки вопросов под углом зрения внутреннего и внешнего рынков.

Равным образом, большинство статей продолжает характеризоваться и другим общим недочетом, который мы подчеркивали в прошлом году. Это — решительное преобладание общесоюзного масштаба в ущерб освещению приводимых материалов в районном разрезе. К немногим благодарным исключениям в этой области следует отнести ингерскую статью П. Лещинского „Районы РСФСР в экспортной работе“ (№ 9 за 1929 г.).

И наконец, касаясь общих недочетов, свойственных отделу статей в целом, мы должны вновь подчеркнуть сугубозлободневный уклон помещаемых в этом отделе материалов. Если в 1927 г. „Советская Торговля“ хоть изредка опубликовывала статьи, посвященные пятилетним перспективам товарооборота, то в 1928 и 1929 гг. вопрос о пятилетнем плане совершенно исчез со страниц журнала (если не считать передовую в № 26 за 1929 г., посвященную лишь постановке вопросов пятилетки товарооборота, выносимых на общественный смотр в Наркомторге). Причиной тому служит, вероятно, уделение места для подобных вопросов перспективного характера в ежемесячнике „Вопросы Торговли“. Однако, учитывая: 1) огромное значение связанных с пятилетним планом проблем, все теснее сплетающихся с вопросами текущего планирования и 2) невозможность освещения в „Вопросах Торговли“ целого ряда специальных вопросов пятилетнего плана товарооборота, редакция „Советской Тор-

говли“ должна в ближайшее же время отказаться от своего „обета молчания“ в указанной области и вплотную заняться, наряду с текущими торгово-политическими делами, и анализом более отдаленных перспектив.

В области внутреннего товарооборота, в свою очередь, обращает на себя внимание преимущественно раз'единенное освещение вопросов, связанных с рынками либо сел.-хоз., либо промышленных товаров. Этот раз'единенный анализ приводит к особенно неблагоприятным последствиям в сфере вопросов продовольственного снабжения населения, которое не находит на страницах журнала достаточного освещения. Лишь в редких случаях журнал стирает грани между пищевыми товарами сел.-хоз. и промышленного происхождения (как, например: передовая — „Снабжение рынка жирами“ — в № 47 за 1928 г. и статья Л. Залкинда „Перспективы и мероприятия в области продовольствия в 1929/30 г.“ в № 34 за 1929 г.).

Что касается статей, посвященных отдельным товарам, то за рецензируемый период следует отметить значительное расширение круга сел.-хоз. товаров, подвергаемых специальному анализу. Все же в области сел.-хоз. товаров главное внимание журнал попрежнему уделяет хлебу, останавливаясь при этом преимущественно на вопросах, связанных с заготовительным рынком. Вопросы же, соприкасающиеся со снабжением населения хлебом (а также и рядом других продуктов питания), играющие столь крупную роль, в связи с испытываемыми в течение последнего года трудностями, освещаются в чрезвычайно недостаточной мере. То обстоятельство, что „Советская Торговля“ почти не откликается на такие злободневные и важные вопросы, как, например, вопрос о заборных книжках, в разрез с основной установкой редакции на злободневность материала (передовая в № 1 за 1928 г.), является существенным упущением, которое должно быть учтено в последующей работе журнала.

В отношении статей об отдельных промышленных товарах заслуживает упоминания крайне неравномерное освещение различных промтоварных рынков. Из 15—16 статей, помещенных на эти темы в 1928 г., 5 статей приходится на долю сел.-хоз. машин, а о таких товарах, как минеральные удобрения, большинство пищевкусных продуктов (в указателе за первое полугодие 1928 г. статья о чайном рынке в № 3 ошибочно включена в раздел „сел.-хоз. рынки“) и др., мы не находим за весь год никаких статей. Это свидетельствует о том, что редакция, повидимому, еще находится в значительной мере во власти „самотека“ материалов. Путь продвижения статей от автора до страниц журнала должен стать объектом

¹ См. „Плановое Хозяйство“ № 3 за 1928 г.

более действенного регулирования редакции.

Некоторая неравномерность в освещении отдельных проблем дает себя чувствовать и в статьях, посвящаемых внешней торговле. Эта „диспропорция“ обнаруживается, прежде всего, между анализом экспорта, которому отводится очень много места (особенно по линии так называемого второстепенного экспорта) и импорта, о котором за весь 1928 г. было помещено лишь 5 статей (в том числе за второе полугодие только 1 статья — о рационализации импорта — в № 51). Отмеченная особенность должна быть рассмотрена и под углом зрения роли отдельных союзных республик во внешней торговле СССР. Тогда как журнал уделяет значительное внимание освещению внешнеторговых операций Украины и Закавказья (частично и Белоруссии), вопрос об участии РСФСР и Средне-Азиатских республик во внешней торговле Союза остается совершенно незатронутым на страницах журнала. И, наконец, статьи на темы о международной торговле, общее число которых за 1928 г., примерно, вдвое меньше, чем в предыдущем году, оставляют в стороне целый ряд крупных вопросов из области мирового рынка (хлопок, шерсть, кожи, лес и др.). Это неполное освещение в отделе статей вопросов, связанных с анализом мирового рынка, служит признаком недостаточного выполнения одного из пожеланий самой редакции журнала — о привлечении заграничных сотрудников.

Отдел обзоров, во исполнение вышеотмеченных пожеланий редакции, был на первых порах несколько расширен, путем введения систематической публикации материалов о государственной торговле и о кооперативном обороте. Однако, это новшество не удержалось до конца минувшего года и обзоры „очередных вопросов государственной торговли“ после № 30, а обзоры „очередных проблем кооперативного оборота“ после № 43 — прекратили свое существование.

Тем самым, в отношении систематически публикуемых обзорных материалов, журнал восстановил свой прежний облик. В этом отделе, следовательно, попрежнему давал себя знать крайний недостаток обзоров товарооборота отдельных республик и областей. Не взирая на указанную задачу пополнения печатаемых материалов в районном разрезе, журнал в течение рецензируемого периода недостаточно подвинулся вперед в этом направлении. Число обзоров торговой жизни отдельных районов несколько увеличилось, но среди них чувствуется все еще определенное „засилие“ крупнейших центров (Украина, Ленинград и т. п.), тогда как другие районы остаются не освещенными.

Некоторым восполнением упомянутого пробела является публикация довольно

большого количества местных корреспонденций в хронике, в специальном отделе „На местах“, при чем число этих корреспонденций обнаруживает отрядную тенденцию к неуклонному росту. Все же и здесь наблюдается преобладание крупных центров (Москва, Ленинград, Харьков, Ростов н/Д, Саратов), при крайней недостаточности материалов из Белоруссии, Закавказья, Средней Азии, вновь организованных областей др.

В дальнейшем, поэтому представляется необходимым установление постоянных корреспондентских связей со всеми республиками и областями, с тем, чтобы, от времени до времени, каждая из них получала освещение в отделе „На местах“. На ряду с этим, следует пожелать, чтобы редакция включала в число периодически публикуемых материалов специальные обзоры товарооборота в районном разрезе, призванные отражать особенности отдельных местных рынков, отличающие их от изображаемой общесоюзной картины, а также и межрайонные торговые связи.

Обзоры, посвящаемые зарубежным странам, характеризуются прежнюю полнотой охвата большинства государств, представляющих тот или иной интерес с точки зрения СССР. В этой области обращает на себя внимание лишь отсутствие данных о некоторых странах Ближнего Востока (Афганистан, Персия), безусловно заслуживающих освещения на страницах „Советской Торговли“.

Отдел „Товарные рынки и цены“ ведется без каких-либо существенных изменений, сохраняя свой установившийся круг товаров. При значительной широте этого круга, которую мы отмечали уже в прошлом году, все же нельзя признать перечень обозреваемых товаров исчерпывающим все запросы, представляемые к этому отделу журнала. В своей дальнейшей работе журнал должен учесть неуклонно повышающийся интерес планирующих и регулирующих органов к проблеме продовольственного снабжения страны, с одной стороны, и к рынку предметов домашнего обихода и культурно-просветительного характера, с другой стороны. В связи с этим, указанный отдел должен включить в свой состав периодические обзоры, посвящаемые: 1) мясному и овощному рынкам (за весь истекший период 1929 г. было помещено лишь 2 обзора мясного рынка в №№ 3 и 8 и один обзор овощного рынка в № 37) и 2) таким предметам, как мебель, швейные машины, книги, радио, граммофоны и т. п.

Совершенно не выполнена задача журнала, направленная на усиление связей с торгпредствами. Несмотря на вышеизложенное пожелание самой редакции и на задачи журнала, за весь 1928 г. и за 9 месяцев 1929 г. было помещено лишь по 3 заметки о работе торгпредства и

других советских организаций в Германии. Подобное положение представляется чрезвычайно ненормальным и должно подвергнуться изменению в ближайшее же время. Эта задача имеет огромное значение вследствие того, что большинства прежних самостоятельных изданий отдельных торгпредств ныне не существует.

Отдел „Рационализация торговли“, переименованный со второго полугодия 1928 г. в „Вопросы торговой практики“, изобилует попрежнему большим количеством интересных материалов о повседневной работе советского товаропроводящего аппарата и его важнейших изменениях и усовершенствованиях. Что же касается соответствующего заграничного опыта, то он получал оценку почти исключительно на примере Германии и то лишь в начале 1928 г. В виду большой важности учета всех рационализаторских мероприятий, проводимых в торговле зарубежных стран (в частности и в особенности С.-А.С.Ш.), следует настаивать на том, чтобы журнал возобновил и расширил публикацию заметок об иностранной торговой практике.

Аналогичное замечание может быть сделано и в отношении хроники „Советской Торговли“. В то время, как внутренняя торговая хроника широко отражает все, что происходит в области товарооборота СССР (результаты деятельности правительственных и регулирующих органов, работа госторговли и кооперации, рационализация торговли, ее финансирование и кредитование, капитальное строительство, акционерные общества, биржи, ярмарки и т. п.), в хронике мирового хозяйства мы не находим ответа на многие вопросы, представляющие значительный интерес (как например, о производстве и потреблении целого ряда товаров).

С той же точки зрения мы должны высказаться и по поводу данных, помещаемых в отделе „Статистика“. Статистические материалы, освещающие внутренний товарооборот, за истекший период пополнились некоторыми новыми публикациями (торговый оборот по республикам и по товаропроводящим системам, сел.-хоз. заготовки по районам и др.). Наоборот, публикуемые данные из области международной статистики еще более сократились и ограничиваются самым ничтож-

ным количеством более или менее случайных публикаций.

Библиографический отдел „Советской Торговли“ характеризуется в рецензируемый период большей полнотой по сравнению с предыдущим годом. Однако, помещенные в журнале рецензии отличаются, поневоле, очень небольшими размерами и недостаточной глубиной анализа. Учитывая при этом возможность публикации более обширных и основательных отзывов в „Вопросах Торговли“, редакция „Советской Торговли“ поступила бы наиболее правильно, если бы впредь отказалась от опубликования на своих страницах каких бы то ни было рецензий и вместо этого помещала бы более частые и более полные указатели литературы по товарообороту (в 1928 г. такие указатели были напечатаны лишь в №№ 9 и 24, а в 1929 г. только в № 4 и 18—19).

Перечень всех перечисленных отделов журнала был пополнен начиная с июля 1929 г. новым постоянным отделом „Социалистическое Соревнование“, в котором помещаются заметки о ходе соревнования в различных звеньях товаропроводящего аппарата.

За рецензируемый период редакция выпустила ряд специальных номеров, целиком или в большей части посвященных описанию тех или иных итогов товарооборота в районном и отраслевом разрезе. Сюда относятся: итоги 1927/28 г., результаты съезда торгделов РСФСР, товарооборот ЗСФСР, УССР и Сибири, итоги Советско-Германской экономической конференции, итоги рационализации товаропроводящего аппарата и контрольные цифры по внешней и внутренней торговле на 1929/30 г.

Все вышеизложенные замечания позволяют сделать вывод о том, что журналу „Советская Торговля“ на протяжении рецензируемого периода еще не удалось избавиться от ряда более или менее существенных недочетов. Тем не менее, журнал продолжает расти и совершенствоваться и становится из года в год все более полезным и необходимым источником многочисленных и многообразных сведений о товарообороте СССР и иностранных государств.

Сав. Гессен.

„Мировое хозяйство на рубеже 1929 г.“ Под ред. Л. Я. Эвентова, Г. А. Фельдмана и Л. А. Мендельсона. Изд. „Плановое Хозяйство“. Москва. 1929. 280 стр.

Вышедший в свет ежегодник „Мировое хозяйство на рубеже 1929 г.“ представляет собой новое явление не только в нашей периодической литературе, но и отчасти в мировой. Ежегодники по мировому хозяйству появлялись у нас неоднократно и ранее: напомним, на-

пример, о соответствующих изданиях ЦСУ, Центросоюза (под ред. С. А. Фалькнера), Конъюнктурного Института НКФ. Но все они носили, как это обычно наблюдается и за границей, исключительно статистический характер, представляя собой сборники, весьма ценного, но чисто таблич-

ного материала, расположенного по той или иной программе. Осмыслить эти груды статистических данных под силу было лишь лицам, близко соприкасающимся с соответственными проблемами мирового хозяйства. Неискушенный же читатель носился по этому морю цифр „без руля“ методологических указаний и „без ветрил“ экономической интерпретации и, естественно, часто тонул в нем.

Иной характер носит рецензируемый нами ежегодник, впервые выпущенный Секцией Мирового Хозяйства Госплана. Он выгодно отличается от своих предшественников тем, что в нем центральное место занимает экономический анализ важнейших фактов и процессов мирового хозяйства за 1928 г., построенный на широком фоне интересно и детально освещенных структурных сдвигов, имевших место за послевоенный период, табличному же материалу и диаграммам отведена второстепенная роль.

Таким образом, этот ежегодник удовлетворяет интересам более широкого круга читателей, чем сборники старого типа, являясь в то же время по своему богатству содержанию и широкому охвату весьма ценным пособием для лиц, специально посвятивших себя изучению мировой экономики.

Рецензируемый ежегодник делится по своему содержанию на три основных раздела: 1) положение отдельных стран, 2) важнейшие отрасли мирового хозяйства (в оглавлении, очевидно, по недосмотру, напечатано „народного хозяйства“) и 3) основные отрасли мировой промышленности. Указанным разделам предпослана содержательная статья Б. Эвентова, в сжатом виде набрасывающего общую картину основных процессов мирового хозяйства за 1928 г.

Тов. Эвентов подчеркивает обострение внешних и внутренних противоречий капиталистического мира в итоге первого послевоенного десятилетия, столь богатого достижениями в деле реконструкции мирового хозяйства. Это обострение особенно сказалось в стремлении европейских стран к освобождению от американской гегемонии, чему в значительной мере содействовало финансовое укрепление Европы, где „создались предпосылки для политики, независимой от американского капитала“, и, главным образом, — в борьбе англо-американских интересов, являющейся существенной чертой 1928 г. Поэтому автор прав, когда полемизирует с Зомбартом, который в общем, хотя и верно наметил основные тенденции развития капитализма в своем столь шумевшем докладе на цюрихском конгрессе Союза социальной политики, но неправильно нарисовал перспективы дальнейшего капиталистического развития. Признавая правильными указания Зомбарта и ряда других буржуазных экономистов на углубление за послевоенный период процесса

трестификации, на усиление моментов государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, на дальнейшее развитие регулирующего воздействия организационного фактора в частном хозяйстве — тов. Эвентов справедливо подчеркивает явную переоценку этими экономистами роли регулирующих факторов в хозяйственной жизни и недооценку ими стихийных сил капитализма. Свою критику взглядов Зомбарта и др. тов. Эвентов обосновывает рядом убедительных аргументов, среди которых небезынтересно отметить: 1) данные, доказывающие ограниченную роль Федеральной Резервной Системы в С.-А.С.Ш. — которой раньше в Америке приписывали значение чуть ли не важнейшего фактора, способного ослабить рыночные колебания хозяйства С.-А.С.Ш. — в деле регулирования учетной ставки и в отношении влияния на успокоение биржевой лихорадки; 2) указание на преобладание стихийных факторов над рациональной деятельностью монополистических объединений в условиях ценообразования, что обусловлено внутренней и внешней конкуренцией, ограниченной емкостью рынка (рост безработицы, зависимость в издержках производства данного объединения от ряда других хозяйственных организаций и др.); 3) доказательство несколько преувеличенной оценки процесса индустриализации аграрных стран за послевоенные годы и т. д.

Рассматривая на фоне основных структурных диспропорций и сдвигов конъюнктуру мирового хозяйства за 1928 г. — этот метод красной нитью проходит по всем разделам „Ежегодника“, — автор вводной статьи приходит к следующим основным итогам.

В разрезе отраслевым (рассмотренном, кстати сказать, слишком уж кратко) автор останавливается на депрессивном состоянии ряда главных производств — угольного, отчасти чугуноделательного, судостроения, текстиля, а также железнодорожного транспорта и внешней торговле (падение темпа роста). При этом черты депрессии особенно сказались в Европе. Одновременно общие конъюнктурные условия отразились на высоком уровне европейской безработицы.

В территориальном разрезе 1928 год отмечен неравномерным развитием конъюнктуры. Большинство стран обнаружило конъюнктурное оживление, особенно сильно выраженное во Франции, а также в Центральной Европе (Чехо-Словакия, Австрия, Польша) и С.-А.С.Ш.; умереннее сказался хозяйственный подъем в Италии и еще слабее в восточных странах — Японии и Китае, при чем в последнем все еще продолжает царить разруха. Депрессией были охвачены две важнейшие страны капиталистической Европы — Англия и Германия.

Детальный анализ хозяйственного положения отдельных стран дан в ряде об-

зоров (10 обзоров по 15 странам) в первом разделе „Ежегодника“, построенном по типу публикуемых Секцией Мирового Хозяйства бюллетеней серии Б с тем лишь вполне уместным отличием, что здесь сделано большее ударение на характеристику структурных сдвигов в наблюдаемых народнохозяйственных организациях.

Главный интерес „Ежегодника“ концентрируется на этом, наиболее тщательно разработанном разделе.

Из указанных обзоров выделяются интересные, широкими мазками написанные статьи: Л. Мендельсона — по Англии, А. Зака — по Соединенным Штатам и Г. Фельдмана — по Германии.

Тов. Мендельсон правильно рассматривает депрессию английского народного хозяйства, как функцию и форму проявления более глубоких структурных противоречий мировой экономики в целом. Можно также вполне согласиться с автором, что роль преуспевающих в настоящее время „новых“ отраслей производства (автомобильная промышленность, производство искусственного шелка, электротехническая и отчасти химическая промышленность) еще так невелика (12—15%), что не ими определяются ближайшие судьбы английской промышленности. Основные пути, по которым английская буржуазия пытается удержать свои позиции в мировом хозяйстве — это стремление к ликвидации организационной и технической отсталости и повышению нормы эксплуатации за счет снижения жизненного уровня рабочих масс.

По Соединенным Штатам А. Заком интересно очерчен так называемый процесс прогрессирующей „европеизации“ американского народного хозяйства, как элегантно выражаются некоторые экономисты по поводу новых отрицательных тенденций, наблюдаемых в народном хозяйстве Заатлантической республики. Существование этого процесса заключается, с одной стороны, в замедлении роста американской экономики, в связи со вступлением ее в фазу интенсивного развития, пришедшую на смену длительной эры экстенсивной хозяйственной эволюции, а, с другой — во все возрастающем стремлении к завоеванию внешних рынков, вследствие ограниченной емкости внутреннего рынка (и в сильном росте протекционизма). Второй момент весьма детально обоснован у автора, остается пожалуй, что это не сделано с той же тщательностью относительно первого тезиса хотя бы на основании очень показательных данных о ходе капиталонакопления. Проблемой в этом обзоре также является игнорирование вопроса о характере послевоенных торгово-промышленных циклов в С-А-С-Ш, — вопроса еще так мало освещенного в нашей экономической литературе.

Г. Фельдман в обзоре по Германии останавливается на весьма существенном вопросе об особенностях депрессии 1928 г. и значительной роли в ней конъюнктуры производства средств потребления, а также на замедленной ликвидации явлений, которые были свойственны уже изжитой фазе конъюнктурного подъема.

Из других обзоров следует отметить весьма содержательные статьи: Д. Опарина о Франции, — хотя в этом обзоре наблюдается явная „инфляция“ денежно-капитального анализа; и В. Карра об Италии, которым интересно освещен на основании данных промышленных цензов процесс индустриализации Италии, а также — по материалам об эмиграции — большая для этой страны проблема аграрного перенаселения; К. Полова о Японии — единственный обзор, в котором затронута столь существенная для нас проблема о связи с СССР.

В остальных обзорах можно найти ряд интересных данных у С. Фейгиной по Бельгии, А. Снежинской — особенно по Польше, А. Зака — по Канаде и М. Когана — о столь мало освещенной у нас экономике Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Чили).

Во всех приведенных обзорах, помимо анализа основных динамических и конъюнктурных процессов, даны также осторожно сформулированные и в основном вполне обоснованные прогнозы, которые вряд ли могут вызывать существенные возражения.

Следующий раздел — по отраслям хозяйства — состоит из 9 обзоров. Особое внимание здесь уделено промышленности, которой посвящены три статьи: Л. Мендельсона — „Общая характеристика положения мировой промышленности“ — ярко написанный очерк, дающий сжатый анализ неравномерности развития капитализма за послевоенный период и освещающий вопрос о росте мощности производственного аппарата, недогрузке его и вытекающих отсюда социально-экономических последствиях; Г. Фельдмана — содержательная статья о процессах электрификации в важнейших странах, главным образом, в САСШ, где „заканчивается грандиозная эпоха электрификации промышленности“, Германии, Англии, Франции и Японии; С. Фейгиной — „Международное картеллирование“ — конъюнктурный обзор за 1928 г.

Из других обзоров обращают на себя внимание детальный очерк Д. Опарина о ценах, где однако, почти не освещена такая центральная проблема, как причины общего снижательного движения мировых цен за послевоенные годы, и небольшая статья А. Зака о железнодорожном транспорте.

Особое внимание уделенное „Ежегодником“ вопросам промышленности, сказалось еще в том, что ей посвящен еще

целый самостоятельный раздел — третий, где отдельно рассмотрены 12 отраслей мировой промышленности.

Особенно интересно и тщательно разработаны здесь три обзора В. Карра: об угольной промышленности, железнотельной промышленности и отчасти о цветных металлах. В этих обзорах обращает на себя внимание новый технико-

экономический уклон анализа процессов в промышленности Запада, что представляет интерес для наших планирующих органов. Некоторые новые характерные моменты подчеркнуты также в краткой статье К. Попова о нефти (тенденция к созданию собственной нефтеперерабатывающей промышленности).

Л. И. Фрейман.

„Recent Economic Changes in the United States“. — Report of the Committee on Recent Economic Changes of the President's Conference on Unemployment — Herbert Hoover, Chairman. Vol. I and II. p. p. XXXVI + 950. New-York, 1929.

„Последние изменения в экономике Соединенных Штатов“. — Отчет комиссии при президентской конференции по безработице, под председательством Герберта Гувера. Т. т. I и II. Стр. XXXVI + 950. Нью-Йорк, 1929 г.

Отчет комиссии по изучению последних изменений в экономике Соединенных Штатов представляет уже третью публикацию президентской конференции по безработице, учрежденной в 1921 г. Два других аналогичных сводных исследования были изданы: „Конъюнктурные циклы и безработица“ — в 1923 г. и „Сезонные колебания в строительной промышленности“ — в 1924 г. В отличие от предшествующих двух трудов, посвященных специальным темам, настоящий обзор носит более всеобъемлющий и разносторонний характер.

Как и в предшествующих случаях, вся исследовательская работа для комиссии была выполнена отдельными компетентными учеными-специалистами под общим руководством Национального Бюро экономических исследований. Собственный отчет комиссии, предпосланный основному содержанию книги в качестве обобщающей оценки, обнимает всего 14 страниц текста. В состав комиссии, в которой председательствовал Г. Гувер, входили между прочим Оуэн Д. ионг, председатель американской федерации труда Уильям Грин, Дж. Клейн из департамента торговли и ряд крупнейших промышленников и банкиров.

Коллективное исследование под руководством Национального Бюро обнимает 14 монографий, написанных различными авторами. Две из них — вступительная часть и заключительный обзор — носят обобщенный и резюмирующий характер. Остальные 12 исследований расположены в виде последовательных глав, посвященных каждая отдельным основным отраслям народного хозяйства и важнейшим проблемам.

Задача монографического анализа последних изменений и современного положения отдельных сфер и отраслей народного хозяйства Соединенных Штатов формулирована Национальным Бюро как „fact report“, „fact-finding study“ — возможно более тщательная, точная и исчерпывающая систематизация фактического материала и притом такого, кото-

рый поддается количественному, статистическому измерению. Такова общая установка деятельности Бюро, которое в своих публикациях стремится, прежде всего, обобщить строго научно проверенные факты, предоставляя делать теоретические и практико-политические выводы всем интересующимся и желающим. Настоящая коллективная работа Бюро выдержана в строго-эмпирическом характере.

Замечательно однако, что не только отдельные монографические исследования, но и сводные обобщающие обзоры и даже сама принципиальная оценка Гуверовской комиссии отмечены тою же печатью крайнего эмпиризма. Констатирование фактов, чистое описание — таков лозунг современной американской экономической мысли. Читатель не найдет здесь ни определенной теоретической руководящей идеи, ни ясной исторической перспективы — никакого единого принципа понимания или объяснения. Разумеется, у отдельных авторов неизбежно проявляются определенные взгляды на описываемые и обобщаемые факты действительности, определенные тенденции объяснения, но эти точки зрения тщательно и нарочито вуалируются и затушевываются.

Едиственная общая точка зрения или, вернее, общее настроение, проникающее все отдельные части коллективного труда, это — настроение преклонения и восхищения пред лицом грандиозных рекордных чисел. Гипноз фактов — таков общий стиль книги.

Небоскребы, растущие десятками и сотнями в больших городах; железные дороги и речные пути, перевозящие ежегодно свыше 1,5 млрд. тонн грузов; 25 млн. автомобилей, несущихся по сотням тысяч миль шоссе дорог; 20 тыс. миль регулярных воздушных путей; 17 млн. электрифицированных домов, 8 млн. домашних телефонов, 7,5 млн. радиостановок; около 4 млн. детей и подростков, ежегодно посылаемых в среднюю школу, и

свыше 1 млн. студентов высших учебных заведений, картина грандиозная.

Правда, отмечаются и теневые стороны. Экономическое благосостояние далеко не равномерно распределяется по отдельным отраслям народного хозяйства и отдельным географическим районам страны. Сельское хозяйство и такие важнейшие отрасли промышленности, как угольная и хлопчатобумажная, находятся в состоянии длительной депрессии на протяжении всех последних лет. Если южные и тихоокеанские штаты переживают эпоху интенсивной индустриализации, и сильный расцвет промышленности происходит также в северо-западном центральном районе, то средне-атлантические штаты дают значительно более замедленный рост, а штаты Новой Англии и земледельческого Запада и центрально-западного района представляют картину застоя, отражающую тяжелое положение текстильной промышленности, с одной стороны, и сельского хозяйства, — с другой.

Фермеры массами покидают свои земли и направляются в города. С другой стороны, необычайно интенсивный рост производительности труда в добывающей и обрабатывающей промышленности и в транспорте, связанный с ростом энергетической и механической базы народного хозяйства, в 3,75 раза более быстрым, чем замедлившийся темп прироста населения, — далеко обгоняет рост абсолютного объема промышленной и транспортной продукции. Результатом является прогрессирующее вытеснение рабочей силы из производства — «технологическая» или «конституциональная» безработица (в отличие от конъюнктурной безработицы), которая растет с каждым годом, независимо от циклической смены конъюнктурных подъемов и депрессий.

Эта резкая диспропорция между темпом роста абсолютного объема продукции и роста производительности труда (выработки на одного рабочего) — замедление темпа продукции и резкое ускорение темпа производительности — представляет тенденцию совершенно новую в американском народном хозяйстве — характерную для периода после кризиса 1921 г. Здесь — ключ к объяснению основного структурного сдвига в хозяйственном развитии Соединенных Штатов, явная печать новой стадии «европеизации» американского народного хозяйства. Но авторы коллективного исследования и Гуверовская комиссия в своем обобщающем отчете отказываются видеть здесь коренной структурный сдвиг. «Ускорение, а не структурный сдвиг — вот ключ для уразумения последней стадии нашего экономического развития». — «Изменения произошли не в структуре, а в темпе и в масштабе распространения» (стр. IX). Факты констатируются, но непосредствен-

ная пестрота их не включается ни в какую стройную систему объяснения. И на фоне такого калейдоскопического обозрения совершенно не убедительным и плохо мотивированным представляется предвзятый оптимизм комиссии, заявляющей о беспредельности человеческих потребностей, об отдаленности пределов насыщения спроса и неограниченности перспектив дальнейшего хозяйственного роста при единственном условии организованного и сознательного поддержания хозяйственного равновесия. Понятно, что комиссия совершенно «отвлекается», при этом от классовых противоречий и классовой борьбы. Однако, весь вопрос в том, возможно ли вообще принципиально существование такого незыблемого равновесия в капиталистическом хозяйственном строе и существует ли это равновесие и в настоящее время в Соединенных Штатах? — Такого рода вопросами комиссия, по понятным причинам, даже не задается.

Если теперь обратиться к характеру и содержанию отдельных монографических исследований, то следует признать, что в узких пределах поставленной задачи почти все они достигают исчерпывающей полноты охвата и исключительной тщательности статистической систематизации и анализа эмпирического материала. Здесь не только использован весь имеющийся материал переписей, специальных исследований и богатой текущей статистики, но в ряде случаев были произведены специальные анкетные обследования для собирания первичного материала. Схемы этих анкет даны в виде приложения в конце второго тома. Авторы монографий широко пользовались сотрудничеством и помощью многочисленных правительственных, общественных и частных учреждений и организаций, а также отдельных специалистов-экспертов; одно перечисление учреждений и лиц, которым комиссия приносит благодарность за сотрудничество, обнимает пять страниц мелким шрифтом.

Из двух обобщающих очерков вводная статья в начале первого тома, принадлежащая перу проф. Эдвина Ф. Гэя, построена на анализе материала современной иностранной (не американской) экономической литературы о Соединенных Штатах. Эта попытка взглянуть на современную хозяйственную действительность Соединенных Штатов со стороны, чужими глазами, по идее безусловно не лишена интереса, но по выполнению носит несколько поверхностный характер журнального реферата. В известной мере это объясняется низким качеством реферируемой популярной литературы об Америке, принадлежащей, большей частью, перу послевоенных европейских паломников в Мекку капиталистического хозяйственного прогресса.

Совершенно иной характер носит заключительный резюмирующий «Обзор» проф. Уэслей С. Митчеля, помещенный в конце второго тома. Он подводит итог всем специальным монографическим исследованиям в превосходной характеристике последовательной смены конъюнктурных колебаний в послевоенные годы в Соединенных Штатах на фоне одновременной эволюции мировой конъюнктуры. Весьма знаменательным является опасение, высказываемое Митчелем в конце его «Обзора» (стр. 910), что хотя серьезный хозяйственный кризис, возможно, не произойдет еще в течение ряда лет, однако, все же, чем дальше отходит в прошлое кризис 1921 г., тем больше забываются его тяжкие уроки и исчезает осторожность и предусмотрительность деловых кругов, характерная для последних лет.

Центральное место среди специальных работ, вошедших в состав I тома, занимает глава о промышленности, состоящая из трех статей, написанных разными авторами. Статья Д. С. Кимбалла — «Изменения в новых и старых промышленных отраслях» дает тщательный цифровой анализ упадка одних и роста других отраслей промышленности. Среди новых быстро развивающихся отраслей на первом месте стоят: автомобильная промышленность, производство искусственного шелка, радиоаппаратуры, и химическая промышленность. Чрезвычайно содержательна статья Л. П. Олфорда — «Технические сдвиги в обрабатывающей промышленности», дающая исчерпывающий анализ динамики 13 основных факторов производства как для всей промышленности, так и по отдельным отраслям. Рост производительности труда, далеко обгоняющий рост физического объема продукции на почве непрерывного повышения вооруженности рабочего основным капиталом, абсолютное сокращение занятой рабочей силы в обрабатывающей промышленности, прогрессирующее снижение себестоимости единицы продукции как результат описанных выше процессов и всеобщей рационализации и интенсификации производства — таковы важнейшие из выводов, полученных им на почве точного статистического анализа эмпирического материала. Наконец, У. Л. Тсор в статье — «Меняющаяся структура промышленности» анализирует процессы технической и финансовой концентрации и географического районирования промышленности за последние годы. Рост масштаба промышленного заведения, из-

меряемый увеличением средней мощности первичных двигателей, успехи концернирования и фузионирования промышленных предприятий, с одной стороны, быстрый и индустриальный рост Юга при одновременном упадке Новой Англии и средне-атлантического района, с другой стороны, — таковы основные констатируемые им тенденции. Среди других статей I тома выделяются по необычайному богатству и красочности конкретного материала работы: Лео Уольмана — «Потребление и уровень жизни» и Джона М. Гриса — «Строительство». Последняя статья представляет особый интерес для советского читателя, так как опыт послевоенного строительства в Америке содержит много поучительного, что может быть непосредственно учтено и использовано в осуществляемом ныне грандиозном хозяйственном строительстве СССР.

Из статей II тома большой интерес представляет «Труд» Лео Уольмана, в значительной мере восполняющий содержание главы о промышленности. Глава «Сельское хозяйство», написанная Э. Дж. Норманом, дает углубленный анализ причин современной сельскохозяйственной депрессии в Соединенных Штатах. Прогрессирующая механизация американского сельского хозяйства (за десятилетие с окончания мировой войны численность лошадей и мулов упала с 26,4 млн. до 19,5 млн. голов, а численность тракторов возросла с 80 до 853 тыс. штук), и обусловленная ею тенденция перехода от мелкого к крупному хозяйству представляют автору единственным возможным путем выхода из структурной депрессии. Недостаток места позволяет нам только упомянуть об интереснейших работах: «Деньги и кредит и их влияние на хозяйственную конъюнктуру» проф. Спрэйга и У. Р. Бэрджеса, «Внешние рынки и экспорт капиталов» Дж. Х. Роджерса и «Национальный доход и его распределение» Морриса А. Коплэнда. Последнее исследование во многом дополняет и уточняет известные работы о национальном доходе Уильяма Форда Кинга и его учеников.

Рецензируемая книга надолго явится источником для всестороннего изучения современной американской экономики. Следует поэтому приветствовать быстроту, с которой Госиздат предпринял русский перевод этого фундаментального труда, который должен выйти в свет в ближайшее время.

А. И. Зак.